

Миром правит произвол, справедливость
бывает только на сцене.

Фридрих Шиллер

Истинное поклонение состоит не в том,
чтобы бесконечно повторять молитвы и мно-
го поститься, а в том, чтобы занимать свой
разум постоянным размышлением о божес-
ственном.

Имам Аскари

А в общем-то — какие пустяки!
Всего лишь — тридцать тысяч гугенотов.

Белла Ахмадулина

Пролог

Рядом с Алеппо вот уже несколько месяцев шли затяжные бои без особого успеха для воюющих сторон. Противники уже осознали, что победить невозможно, любое наступление приведет к еще большим жертвам, а отход будет выглядеть поражением.

Поэтому правительственные войска делали вид, что усердно выбивают боевиков из кварталов, занятых ими. Оппозиционеры тоже делали вид, что ожесточенно сопротивляются.

Командиры получали снаряды, новое оружие и деньги на вербовку добровольцев. Именно поэтому все они были лично заинтересованы в затягивании этого противостояния.

Иногда к каждой из сторон подходило небольшое подкрепление. Но общий баланс сил не особенно менялся. Только время от времени, примерно раз в месяц, те или другие устраивали интенсивную артиллерийскую канонаду,

обстреливали противника и расходовали свои запасы снарядов.

Бои шли в основном за шоссе, ведущее к Алеппо, и северную часть города. В районе Лирамуна располагались оппозиционеры. Их отряды возглавляли боевики, прибывшие сюда из Катара и Саудовской Аравии.

Захру контролировали правительственные войска. Им помогали боевики «Хезболлы», окопавшиеся в соседнем районе Халерб аль-Джедад.

Постороннему человеку, непосвященному европейцу или американцу все это могло показаться сплошной абракадаброй, но на Востоке, а особенно на Арабском, все понимали, кто и за кого воюет. А самое главное — почему.

Секта алавитов, традиционно правящая в Сирии, насчитывает всего шестнадцать процентов от общего населения государства. «Хезболла» является шиитской организацией, которую поддерживал и финансировал Иран.

Противниками президента Сирии Башира Асада в основном являются сунниты, которые получают помощь из Катара и Саудовской Аравии.

Одним словом, противостояние, начавшееся в мусульманском мире полторы тысячи лет назад, сразу после смерти Пророка, продолжа-

ется до двадцать первого века. Оно делит мусульманский мир на непримиримых шиитов и суннитов.

Схватки в районе Захры в последние несколько дней усилились. К правительственным войскам подошел еще один отряд боевиков «Хезболлы».

Когда начался очередной артиллерийский обстрел, сразу несколько человек перебежали от одного здания к другому. Они хотели под его прикрытием прорваться к центральной площади Алеппо и неожиданно наткнулись на тяжелораненого мужчину, который пытался им что-то сказать.

— Это наш или чужой? — равнодушно спросил командир группы, глядя на умирающего человека.

— Не знаю. — Один из его людей наклонился и громко спросил: — Ты кто? Как тебя зовут? За кого ты сражаешься?

— Откуда вы пришли? — вместо ответа сумел выдать из себя раненый.

Судя по черной крови, которая текла из раны в боку, было понятно, что он умрет буквально через несколько минут. Люди, находившиеся на войне не первый день, понимали, как опасна такая рана. Несчастному уже нельзя было помочь.

— Мы из района Халеба, — пояснил командир, тоже наклоняясь к умирающему. — Ты что-то хочешь сказать?

— Кто ты? — снова простонал раненый.

Было понятно, что он едва держится, из последних сил пытается не потерять сознание.

— Командир отряда Джераб Айхан. Кто ты такой? Что ты хочешь?

— Вы на стороне правительственных войск?

— Можно сказать и так, — подтвердил командир.

— Сообщите в посольство России. Пусть передадут. Джихад... Москва... чемпионат... во время хаджа.

— Что он говорит? — не понял Джераб.

К ним протиснулся врач отряда, тоже наклонился к умирающему и спросил:

— Что вы хотите сказать?

— Передайте... чемпионат... хадж... Москва.

— Бормочет что-то непонятное.

— Ты сумеешь его спасти? — спросил на всякий случай Джераб.

Врач покачал головой и убежденно произнес:

— Ему уже нельзя помочь.

— Пусть назовет свое имя, — потребовал Джераб.

Врач снова наклонился к раненому. Но тот уже ничего не мог произнести, дернулся и стих.

— Все, — сказал врач. — Он умер.

— Ты понял, что он говорил? — уточнил Джераб.

— Ничего не понял. Может, он бредил?

— Наверное, — отмахнулся Джераб. — Идем дальше. Нам нужно пробиться к площади.

Командир не мог предположить, что в группе, которую он сам формировал и готовил, всех знал уже несколько лет, был и осведомитель. Два года назад его внедрила в отряд военная разведка израильского Генштаба АМАН.

Это был тот самый врач, который разговаривал сейчас с Джерабом. «Хезболла» была слишком опасным и бескомпромиссным противником Израиля, чтобы не следить за передвижениями его боевых отрядов. Если сам Джераб не обратил внимания на слова умирающего человека, то его врач послал свое донесение уже на следующий день.

Оно почти сразу попало в пятьсот четвертое подразделение АМАНа, ответственное за сбор информации агентами и осведомителями военной разведки. Затем это сообщение было передано в отдел анализа разведывательных данных. Потом информацию перепроверил контрольный департамент.

На все это ушло около двух недель. Была задействована агентура АМАНа. Только сообщение с соответствующими комментариями было передано руководителю АМАНа генерал-майору Авиву Кохави. В донесении указывалось, что данная информация представляется особо важной. Ее рекомендуется довести до сведения общей внешней разведки МОССАД и переслать в российское посольство.

На следующий день соответствующее письмо ушло в Главное разведывательное управление Генштаба России. Еще через несколько дней похожую информацию российская военная разведка получила по своим каналам из Ирана.

Очевидно, что среди боевиков Джераба был и человек, работавший на иранские спецслужбы. Может, этим занимался и сам командир отряда?..

Глава 1

Когда мне позвонили в субботу вечером, я уже поняла, что произошло нечто чрезвычайно серьезное. Мой руководитель обычно не любит дергать своих людей по пустякам, справедливо полагая, что мы и так много работаем. Но если вызывают так срочно в субботу вечером,

значит, для этого есть более чем веские основания. Поэтому я поехала к нам в отдел, уже готовая к необычному и не самому приятному разговору.

Наш руководитель — полковник Михаил Алиевич Кафаров, кажется, работает в органах с самого дня рождения. Я все время пытаюсь понять, сколько ему лет. Официально — где-то под семьдесят.

По нашим правилам его давно должны отправить на пенсию, но об этом никто и не думает. Все понимают, насколько ценным сотрудником он является. Но генерала ему не дают.

Для этого требуются совсем другие качества. Нужно быть чьим-то родственником или знакомым, занимать престижную должность, уметь нравиться руководителям и вообще соответствовать общепринятым стандартам. Кафаров совсем не таков. Он говорит то, что считает нужным, не боится высказывать свое мнение любому вышестоящему лицу и чувствует себя абсолютно независимым человеком, что для офицера из нашей системы вообще нонсенс.

Но его группу терпят именно потому, что она добивается максимальных результатов.

Именно люди Кафарова вместе с некоторыми другими сотрудниками предотвратили террористические акты в Баку во время проведе-

ния «Евровидения». Позже многие узнали, какая страшная опасность грозила всему городу.

Обученные группы террористов должны были ворваться в «Хилтон» и «Марриотт», находившиеся на центральной городской площади, убить там как можно больше иностранцев и гостей, прибывших на конкурс. А в самом дворце, построенном к празднику, был спрятан гранатомет, чтобы совершить покушение на главу государства.

Эта история тогда наделала много шума. До сих пор находятся скептики, которые не верят в подобные замыслы террористов. А ведь прошлое доказывает, что для достижения успеха террористы часто придумывают абсолютно невыполнимые вещи.

Какой аналитик мог предсказать крушение башен торгового центра, в которые врезались захваченные самолеты? Какое изощренное сознание нужно иметь, чтобы направить на небоскребы большие широкофюзеляжные лайнеры с женщинами и детьми! Нужно еще найти для такой операции немало смертников, готовых расстаться с собственными жизнями.

Третий самолет врезался в здание Пентагона, а вот четвертый уже не долетел. Пассажиры, сидевшие там, оказались настоящими героями. Понимая, что террористы их все равно унич-

тожат, они пошли на штурм кабины пилотов и погибли в результате крушения самолета. А ведь этот самый самолет должен был врезаться в здание Капитолия.

Вот такую невероятную операцию провели террористы в Америке.

Следующая, еще более невозможная, атака была подготовлена летом 2006 года. Только наличие хорошо законспирированной, заранее внедренной английской агентуры предотвратило грандиозный террористический акт. Сразу десять лайнеров должны были взорваться над Атлантикой. Террористы готовились пронести в самолеты жидкие бомбы под видом детского питания.

Можете себе представить, какие последствия имел бы подобный масштабный террористический акт! Какие трагедии могли разыграться в небе над океаном. Именно с августа того года было запрещено проносить на борт любые жидкие предметы, а пассажиров стали досматривать куда тщательнее.

Вообще проблема безопасности сейчас стоит в мире особенно остро. Вспомните, какие чудовищные акты захвата заложников произошли в России. Сначала больница в Буденновске, потом «Норд-Ост» и, наконец, школа в Беслане, где погибло столько детей. Кажется,

что просто нет предела цинизму тех, кто готов убивать ни в чем не повинных людей.

В общем, меня срочно вызвали к Михаилу Алиевичу, и я поняла, что произошло нечто экстраординарное. Он не любит дергать своих людей по пустякам.

Тем более что я работаю под прикрытием. Это самый большой секрет какой угодно спецслужбы. У любой из них есть своя агентура, штатная и внештатная, платная и бесплатная. Под прикрытием работают только особые агенты, которые числятся где-то на предприятиях или в организациях, а на самом деле получают и вторую зарплату в органах безопасности. Причем это штатные офицеры с воинскими званиями.

Вот и я, майор Кеклик Алиева, числюсь в институте литературы Академии наук Азербайджана. Даже мои родные и близкие могут поклясться, что я всю жизнь была филологом и никогда не имела никакого отношения к спецслужбам.

Правда, после развода со своим первым мужем немного занималась спортом и даже имела довольно заметные успехи. Но это еще не говорит о моей принадлежности к спецслужбам.

Рассказывают, что однажды один из министров нашего правительства, который окончил

МГИМО и знал своего товарища по учебе много десятков лет, не поверил, что тот — полковник Министерства национальной безопасности. Самое смешное, что супруга его многолетнего приятеля тоже была офицером. Министр долго изумлялся, что не имел понятия о подобных вещах.

О моем звании и работе знает только мой второй супруг Ариф, который являлся офицером нашей группы. После женитьбы его перевели в другой отдел. Микаил Алиевич справедливо считает, что семейственность может мешать в нашей работе. Арифу пришлось уйти. Очевидно, делая выбор между мной и моим мужем, Кафаров решил оставить именно меня.

Хотя за Арифа немного обидно. Он всегда был очень толковым, перспективным и умным офицером, но на последней операции «засветился». Поэтому было принято решение о его переводе. Сейчас он уже подполковник, по званию — выше своей супруги, что, наверное, неплохо.

Забыла сообщить, что у меня есть еще и дочь Нармина, которая уже выросла, превратилась в не совсем управляемого подростка тринадцати лет. Теперь мне приходится терпеть ее выкрутасы. Хотя она чаще живет у моей ма-

мы, которой бывает сложно справиться с этой юной особой.

Наши свидания с Кафаровым обычно происходят на конспиративной квартире. Я ведь не могу ездить в родное здание, которое так величественно возвышается напротив нашего Пантеона, где похоронены самые выдающиеся люди республики. Понятно, что там бывает достаточно много людей, и на меня могут сразу обратить внимание.

Я вошла в комнату. Микаил Алиевич сидел в кресле, просматривая сегодняшние газеты. Он поднял голову, снял очки. Внешне полковник похож на старого учителя. Такой добродушный вид, мясистые щеки, редкие седые волосы.

Он положил очки на столик перед собой и показал мне на второе кресло.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровалась я, усаживаясь.

— Здравствуй, — кивнул Кафаров. — Как у тебя дома? С Арифом живете дружно?

— Мы с ним почти не видимся. — Я улыбнулась. — У него много работы. А у меня соответственно больше свободного времени. Все-таки моя трудовая деятельность в институте литературы занимает не так много времени.

— Это я знаю. У тебя почти идеальная работа для прикрытия. А как твоя дочка?

— Уже взрослая. Скоро меня догонит. Говорят, что у нее сейчас самый сложный возраст. Наверное, так и есть.

— Это точно, — проворчал Кафаров. — Девочки в таком возрасте часто бывают неуправляемыми. Я слышал, что она чаще остается у твоей мамы, чем у тебя?

Интересно, от кого он это мог слышать? Или это намек на возможную командировку? Микаил Алиевич никогда и ничего не говорит просто так. За столько лет я привыкла к такой манере разговора, хотя его парадоксальное мышление меня всегда поражает.

— Ее школа ближе к дому моей мамы, — ответила я.

Не нужно забывать, что полковник систематически проверяет всех своих людей. Иногда даже лично. Он считает, что любой человек может оказаться уязвимым, не выдержать шантажа или сложностей, возникших под давлением врага.

— Да, это правильно. — Кафаров кивнул и почти сразу спросил: — Догадываешься, почему я тебя позвал?

— Что-то случилось?

— Случилось. И не вчера, — сообщил полковник. — Несколько месяцев назад в Алеппо был найден тяжелораненый офицер службы

общей разведки Сирии. Перед смертью он успел сообщить о возможном крупном террористическом акте, который должен произойти в России.

Я внимательно слушала. Пока было не совсем понятно, какое отношение сирийский офицер и возможный террористический акт в России имели к моему срочному вызову. Но я не задавала ненужных вопросов, понимая, что все равно Кафаров объяснит мне, зачем он меня вызвал. И почему начал наш разговор именно с этого погибшего офицера.

— Эти сведения попали сначала к израильтянам, а затем к русским, — продолжил Микаил Алиевич. — Те и другие достаточно тщательно проанализировали возможность угрозы.

— МОССАД и ФСБ? — с понятным уважением спросила я у своего собеседника.

«Весьма солидные организации! — мысленно отметила я, но понимала, что сейчас лучше промолчать, не вступать по каждому поводу.

— Обе организации пришли к выводу, что угроза крупного террористического акта достаточно серьезна. Но никаких других сведений получить не удалось.

— Русские и израильтяне не смогли получить информацию в Сирии? — не удержалась я. — По-моему, их разведки знают, какие сны

видит Башир Асад каждую ночь и о чем он разговаривает в кровати со своей женой.

— Не нужно оттачивать на мне свое остроумие! — сухо оборвал меня Михаил Алиевич. — Я, наверное, не хуже тебя знаю возможности израильских и тем более российских спецслужб. Я все-таки много лет работал еще в КГБ. Там до сих пор остались мои бывшие товарищи и ученики. Но никакой дополнительной информации получить не удалось. И уже этот факт может служить доказательством того, что террористический акт готовится достаточно тщательно, с участием профессионалов.

Я согласно кинула. Все-таки не совсем понятно, зачем меня позвали на эту лекцию с политической информацией? Я и так знаю, что самые лучшие возможности на Ближнем Востоке, да и вообще в мире, имеют израильские спецслужбы. А бывшие советские, теперь называющиеся российскими, все еще входят в пятерку лучших в мире. Наряду с американскими, английскими и китайскими.

Янки берут массовостью и деньгами, покупают любого чиновника, какого угодно профессионала, хорошо оплачивают информацию. Добавьте еще космическую разведку и возможности Агентства национальной безопасности,

о работе которого так подробно и увлекательно поведал нам Сноуден, перебежавший в Москву.

Китайцы тоже берут массовостью. Этот народ раскидан по всему миру. К тому же европейскому чиновнику сложно понять нюансы их поведения. Не забывайте, что практически каждый китаец так или иначе служит своему государству, интересам своего народа.

И наконец, англичане, которые развивают свою разведку много лет, кажется, знают все секреты на Ближнем Востоке, хотя в последнее время скромно держатся в тени. Но у них еще много своих тайных и явных агентов. В общем, страна Яна Флеминга умеет добывать информацию и распоряжаться ею.

Но это не относится к нашему разговору. Или уже?..

— Да, — словно читая мои мысли, медленно произнес Кафаров. — Все это имеет непосредственное отношение к нам и особенно к тебе.

Неужели он решил отправить своего сотрудника в Сирию? Или в Израиль проверить их сообщения? Нет, так примитивно меня не станут использовать. Посылать офицера из чужой страны в Израиль — все равно что оказаться в купальном костюме на дипломатическом приеме, где на тебя сразу обратят внимание. Арабы, граждане Израиля, еще могут хоть как-

то собирать информацию. У остальных вообще нет ни единого шанса.

— В Москве считают, что угроза крупного террористического акта более чем очевидна, — продолжил Кафаров, тяжело поднялся из кресла и махнул рукой, показывая, чтобы я не вставала следом за ним.

Он сделал несколько шагов по комнате, поправил скремблер, закрепленный на оконной занавеске. Если кто-то захочет нас подслушать, ему это не удастся. Настолько все продумано.

Но Кафаров неожиданно резко повернулся ко мне и заявил:

— Из Москвы поступил запрос. Они просят помочь им проверить эту информацию. Сама понимаешь, насколько это важно для российских спецслужб. У них скоро намечается проведение чемпионата мира по футболу. Ты можешь представить, какое количество зрителей хлынет в Россию! А это соседнее с нами государство.

— Вы думаете, что русские не справятся? Они уже провели Олимпийские игры на высочайшем уровне, не допустили ни одного серьезного провала. Ни единого!..

— Олимпийские игры проходили в небольшом городе Сочи, — терпеливо напомнил Кафаров. — Проконтролировать безопасность

там не так уж и сложно. Достаточно сделать несколько внешних линий проверки и наладить работу внутри. А вот чемпионат мира по футболу пройдет во многих российских городах, на огромной территории. При этом тысячи зрителей будут перемещаться по всей стране, самой большой в мире. Обеспечивать безопасность такого мероприятия — задача более чем сложная. Во много раз.

— Понимаю. Не нужно ничего больше говорить. Им нужны гарантии?

— «Полную гарантию может дать только страховой полис», — неожиданно пошутил полковник. — Так, кажется, говорил Остап Бендер главе акционерного общества «Геркулес». Но если серьезно, им нужно понять, кто, как и зачем собирается проводить этот грандиозный террористический акт.

— И чем я могу помочь? — все-таки не выдержав, спросила я.

В конце концов, меня зачем-то вызвали на эту странную беседу.

— Умиравший офицер сообщил, что основные события могут произойти во время летнего хаджа, — наконец-то сообщил Кафаров. — Именно в этом году хадж должен состояться летом. Миллионы паломников устремятся в Мекку.

— Ничего не понимаю, — честно призналась я. — Хадж совершается в Саудовской Аравии, которая находится за тысячи километров от России. Как это все связано друг с другом?

Полковник посмотрел на меня так, что я смутилась. Он способен одним только взглядом заставить вас почувствовать себя мелким и ничтожным существом, которое посмело вякнуть нечто невразумительное.

— У тебя больше нет вопросов? — на всякий случай уточнил Кафаров.

Я поняла, что мне лучше больше ничего не спрашивать, и просто молчала. Он удовлетворенно кивнул.

— Должен тебе напомнить, что противостояние на Ближнем Востоке длится уже не один десяток лет, — продолжил Михаил Алиевич менторским тоном преподавателя. — Конечно, израильтяне работают превосходно. Нужно отдать им должное. В арабских странах, окружающих еврейское государство, не зря говорят, что каждый третий их гражданин — осведомитель Израиля, каждый второй — агент, а каждый первый — просто переодетый израильтянин. Знаешь, кто работал в разведке под видом женщины, которая была достаточно привлекательной для многих мужчин? — Не дожидаясь моего ответа, он сказал: — Генерал Эхуд Барак,

бывший премьер-министр Израиля и нынешний министр обороны. Кстати, он некоторое время возглавлял и АМАН. Впечатляет?

— А вы сами не переодевались женщиной? — Честно говоря, я сама не понимала, как у меня вырвался такой вопрос.

Но он понравился моему шефу.

Полковник даже улыбнулся и ответил:

— В молодости переодевался. И тоже пользовался успехом у мужчин. Можешь мне поверить. Говорят, что я был очаровательной шатенкой. Но это в прошлом. Почему я тебе говорю об израильских спецслужбах? Всякое действие рождает противодействие. Конечно, за израильскими спецслужбами очень сложно угнаться. Они действуют более чем эффективно. Не говоря уже о том, что у них есть свои источники и осведомители практически во всех штабах и министерствах арабских государств. Но постоянные успехи израильских спецслужб породили достаточно мощное противодействие специально созданных структур «Хамас», «Хезболла», у палестинцев, сирийцев, египтян, иорданцев, иракцев, ливанцев и так далее по списку.

А это означает, что любой посторонний человек, который прибудет туда, окажется под особым контролем, в том числе спецслужб Са-

удовской Аравии и агентов остальных арабских государств. Именно поэтому там не может появиться посторонний человек. Все люди, прибывающие из России, будут находиться под круглосуточным присмотром. Ты понимаешь, что такая информация не может оставаться тайной для сотрудников арабских спецслужб. Значит, там будут следить абсолютно за всеми паломниками, прибывшими из России.

Я снова глупо кивнула, все еще не совсем понимая, что именно он хотел сказать.

— Тогда появилась идея послать туда человека из другого государства, желательно мусульманского. Он не будет привлекать к себе такого внимания и сумеет выяснить, кто из паломников может оказаться связным террористов. Теперь понимаешь? Этого связного будут пытаться вычислить сами израильтяне и, конечно, осведомители арабских спецслужб. Но наблюдатель из другой страны может остаться незамеченным. Особенно если это будет женщина.

Только в эту минуту я начала понимать, почему меня так неожиданно вызвали и о чем вообще шла речь. Я изумленно посмотрела на Микаила Алиевича. Он, как обычно, все читал в моих глазах и заранее знал, какой вопрос я собиралась ему задать.

— Да, — сказал полковник. — К нам поступил официальный запрос из Москвы. Это совместная операция наших спецслужб. Ее достаточно долго разрабатывали аналитики.

— И выбрали меня?

— Нет, — ответил полковник, глядя мне в глаза. — Тебя выбрал я. Это было мое предложение. Все совсем не так, как ты думаешь.

Интерлюдия

В этот дом на окраине Махачкалы они прибыли глубокой ночью. Внедорожник въехал во двор, ворота закрылись.

Только тогда из салона автомобиля медленно вылез пожилой человек, опирающийся на палку. Тяжело ступая, он вошел в дом, где его уже ждали. Мужчина, стоявший в дверях, был лет на десять моложе гостя, возраст которого давно перевалил за шестьдесят. Седые волосы и аккуратно подстриженная борода, усы. Чуть выше среднего роста, широкоплечий, кряжистый.

Гость был одет в белую рубашку без галстука, темный костюм. На голове широкая папаха. Высокого роста, достаточно подтянутый, несмотря на возраст. Почти лысый, с резкими чертами лица, тяжелым подбородком.

— Здравствуй, хаджи Рахман!